

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ГОУ ВПО ЛНР «ЛУГАНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО»
КАФЕДРА РУССКОЙ И МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

**РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА
В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО ЛИТЕРАТУРНОГО
ПРОЦЕССА – 2018**

**Материалы
Университетской
научно-практической конференции**

(11 апреля 2018 г.)

Луганск

2018

УДК 821.161.1.09 (082)

ББК 83.3 (2Рос)-02Я43

Р 89

Рецензенты:

Унукович В.В. – заведующий кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации Луганской государственной академии культуры и искусств имени Михаила Матусовского, кандидат филологических наук, доцент;

Соболева И.А. – и.о. заведующего кафедрой русского языкознания и коммуникативных технологий ГОУ ВПО ЛНР «Луганского национального университета имени Тараса Шевченко», кандидат филологических наук, доцент;

Нередкова С.С. – декан факультета филологии и массовых коммуникаций ГОУ ВПО ЛНР «Луганского национального университета имени Владимира Даля», кандидат филологических наук, доцент.

Р89 **Русская литература в контексте мирового литературного процесса – 2018:** материалы Университетской научно-практической конференции (11 апреля 2018 г.); ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко». – Луганск: «Книга», 2018. – с.

Настоящий сборник является результатом коллективного труда работников высших образовательных учреждений, включает тезисы, статьи и материалы, раскрывающие различные аспекты многогранного литературного процесса 19-20 вв. Адресуется учёным-исследователям, студентам, учителям, слушателям МАН.

Под редакцией

коллектива авторов

Печатается по решению Научной комиссии

Луганского национального университета

имени Тараса Шевченко

(протокол № от 2018 года)

УДК 821.161.1.09 (082)

ББК 83.3 (2Рос)-02Я43

Р 89

©Коллектив авторов, 2018

©ГОУ ВПО ЛНР «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2018

В.В. НАБОКОВ И Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ: ТВОРЧЕСКИЕ СВЯЗИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «ОТЧАЯНИЕ»)

Тема «Набоков – Достоевский» давно привлекает внимание литературоведов. Глубинные связи с традициями русской литературы были замечены современниками Набокова уже в первом романе писателя. Набокова же раздражало любое сопоставление его произведений с творчеством классиков русской литературы.

Достоевский и Набоков – очень разные художники. Достоевский, говоря словами Бердяева, прежде всего – «великий антрополог, экспериментатор человеческой природы», которого интересует судьба человека в свободе. Эстет Набоков четко определил свою позицию в послесловии к американскому изданию «Лолиты»: «Я не читаю и не произвожу дидактической беллетристики... Для меня рассказ или роман существует, только поскольку он доставляет мне то, что попросту назову эстетическим наслаждением, а это, в свой черед, я понимаю как особое состояние, при котором чувствуешь себя – как-то, где-то, чем-то – связанным с другими формами бытия, где искусство (т. е. любознательность, нежность, доброта, стройность, восторг) есть норма»[5, с.662]. Все другое, что не вписывалось в эту его формулу, Владимир Набоков называл «журналистической дребеденью», либо относил к Литературе Больших Идей, которая, с его точки зрения, тоже является дребеденью. В ряду авторов Литературы Больших Идей, с точки зрения Набокова, стоит и Достоевский.

В «Лекциях по русской литературе» Набоков говорит, что страстно хочет «Достоевского развенчать» [6, с.142] и предлагает оценить «Преступление и наказание» с точки зрения эстетики: «...перевешивает ли эстетическое наслаждение, которое вы испытываете, сопровождая Достоевского в его путешествиях в глубь больных душ, всегда ли оно перевешивает другие чувства — дрожь отвращения и нездоровый интерес к подробностям преступления? В других его романах равновесия между эстетическими достижениями и элементами уголовной хроники еще меньше» [6, с.152].

Набоков имел полное право не любить Достоевского, но странным кажется его желание «развенчать» и «уничтожить» посредственного, с его точки зрения, писателя. Когда не нравится автор, логично просто обойти его вниманием. Набоков же настойчиво возвращается к Достоевскому: в своих лекциях, докладах, в своих романах. Возможно, чувствуя: в других мы способны понять лишь то, что есть в нас самих. Чем больше Набоков замечал сходств с Достоевским, тем с большей страстью отрицал их.

Отношение Набокова к Достоевскому не всегда было однозначным. Оно менялось на протяжении жизни: от восхищения писателем в подростковом возрасте и критического отношения к его творчеству в юношеские годы до полемики с классиком и пародирования его в зрелые годы творчества.

Прямой реакцией на «Преступление и наказание» Достоевского явилось «Отчаяние» Набокова. Впервые о связи этого романа с произведениями Достоевского заявил Ж.П. Сартр в статье «Владимир Набоков. «Отчаяние». Л.Сараскина говорит о романе Набокова как об очередной дуэли с Достоевским. Александр Долинин считает «Отчаяние» пародией, но не на произведения Достоевского (хотя и признает утрирование в романе тех сторон творчества писателя, которые казались Набокову художественно сомнительными), а на современную Набокову «достоевщину». Но большинство исследователей сходится в том, что «Отчаяние» – самый «достоевский» из романов

Набокова, где мрачному мыслителю и «неврастенику» Раскольникову противопоставляется лжемыслитель и «невротический негодяй» Герман Карлович.

Сам Набоков говорил: «Despair» —сродни остальным моим книгам—ничем не отвечает на социальные запросы современности, не содержит никакой истины, которую могла бы, виляя хвостом, донести до читателя. Не оказывает она и возвышающего действия на духовный орган человека, как и не указывает человечеству правый путь»[13, с.54]. И в этом высказывании понятен намек на творчество Достоевского.

В «Преступлении и наказании», по словам Набокова, «Раскольников неизвестно почему убивает старуху-процентщицу и ее сестру», то есть совершает бессмысленное убийство. Главное событие романа «Отчаяние» - еще более бессмысленное убийство, а герой его внезапно сам осознает свое «карикатурное сходство с Раскольниковым» [8, с. 449]. С точки зрения Набокова, «герои Достоевского выбирают что-нибудь безумное, идиотское или пагубное — разрушение и смерть, лишь бы это был их собственный выбор. Это, между прочим, один из мотивов преступления Раскольникова». Но Раскольников убивает еще и для того, «чтобы доказать себе, что он не обыкновенный человек, подчиняющийся неизвестно кем выдуманному нравственным законам, а личность, способная создать свой собственный закон, выдержать всю тяжесть моральной ответственности, муки совести и во имя благой цели (помощь семье, собственное образование, которое позволит ему облагодетельствовать человечество) избирающая злодейские средства (убийство) без ущерба для душевного равновесия и достойной жизни» [6, с.159]. А для чего убивает герой Набокова? Самовлюбленный эгоист Герман пытается доказать окружающим свою неординарность, создать «шедевр», а заодно поправить свой «шоколадный бизнес». Оба героя самолюбивы и тщеславны, и вопрос материальной выгоды в обоих преступлениях стоит на втором месте. Для Германа его преступление – произведение искусства, и должно быть «оценено людьми», «авторские же, платимые страховым обществом, были в моем сознании делом второстепенным. О да, я был художник бескорыстный», – заявляет он [8, с. 441]. Чем не язвительная пародия на Раскольникова: «И не деньги, главное, нужны мне были...мне надо было узнать...Тварь ли я дрожащая или право имею...»[10, с. 366].

Оба героя одержимы идеями-теориями, но если в основе теории Раскольникова – новый мировой порядок и счастье всех, то в основе идеи Германа – счастье только одного. И если Раскольников, высказывая идею «двух разрядов» людей, еще сомневается и хочет проверить себя на «необыкновенность», то Герман является подтверждением этой идеи и убежден в том, что он «право имеет»: «О каком-либо раскаянии не может быть никакой речи, — художник не чувствует раскаяния, даже если его произведения не понимают»[8, с. 441]. Следует заметить, что «жгучее раскаяние, разбивающее сердце, отгоняющее сон» не приходит и к герою Достоевского, страдания же его вызваны не осознанием ошибочности теории, а разочарованием в себе самом: «принцип-то я убил, а переступить-то не переступил», а значит «не имел права разрешить себе этот шаг»[10, с.472]. Одинаково скептически относятся герои к религиозной «сказке»: «раб божий» для Германа столь же унижительное звание, как и «дрожащая тварь» для Раскольникова.

Отстраненность Набокова, его насмешливая игра с читателем (в отличие от вовлеченности и серьезной дидактичности Достоевского) позволяют отделить авторскую позицию от голоса персонажа. Герман Карлович считает себя непревзойденным и остроумным виртуозом слова: «Мне нравилось – и до сих пор нравится – ставить слова в глупое положение, сочетать их шутовской свадьбой каламбура, выворачивать наизнанку, заставить их врасплох. Что делает советский ветер в слове ветеринар? Откуда томат в автомате? Как из зубра сделать арбуз?»[8, с.360]. На деле же герой Набокова оказывается всего лишь графоманом, плохим наблюдателем и бездарным преступником из серии «глухих слепцов с заткнутыми ноздрями» [8, с.283], который игнорирует важные детали и потому совершает ряд глупых ошибок. Герман считает себя «гениальным изобретателем»: «...что все великие романисты, писавшие о ловких преступниках, что все великие

преступники, не читавшие ловких романистов! Все они невежды по сравнению со мной» [8, с.406] и не может отказать себе в удовольствии поиздеваться над Достоевским. Но в следующей фразе не только демонстрирует сомнительное чувство юмора, а раскрывается как невнимательный и поверхностный читатель: «Никаких, господа, сочувственных вздохов. Стоп, жалость. Я не принимаю вашего соболезнования, — а среди вас наверное найдутся такие, что пожалеют меня — непонятого поэта. «Дым, туман, струна дрожит в тумане». Это не стихок, это из романа Достоевского «Кровь и Слюни». Пардон. «Шульд унд Зюне»[8, с.440-441] (неточная фраза из романа Достоевского, которую Порфирий Петрович позаимствовал у гоголевского персонажа). Невнимательность героя Набокова подчеркивают еще несколько фактов. Герман совершенно не замечает откровенной связи своей жены Лиды с ее кузеном Ардалионом. Ему кажутся одинаковыми две абсолютно разные картины: натюрморт, увиденный им в табачной лавке (две розы и трубка на зеленом сукне) и написанные Ардалионом стеклянная пепельница и два персика. Неудивительно поэтому его «слепота» и в отношении мнимого двойника.

Рассказывая о беседе с Феликсом, Герман внезапно ловит себя на невольном подражании Достоевскому и потому язвительно замечает: «Что-то уж слишком литературен наш разговор, смахивает на застеночные беседы в бутафорских кабаках имени Достоевского: еще немного, и появится «сударь», даже в квадрате: «сударь-с», — знакомый взволнованный говорок; «и уже непременно, непременно...», а там и весь мистический гарнир нашего отечественного Пинкертона» [8, с.386].

Но как бы не ерничал Герман по поводу Достоевского, карикатурное сходство его с Родионом Романовичем очевидно. И Раскольников, и Германа к преступлению подводит некая таинственная случайность. Первого – подслушанный трактирный разговор, второго – вдруг явившееся «чудо» (мнимый двойник). Оба тщательно планируют свое «предприятие», свою «безобразную мечту», но воплощение задуманного становится ужасной пародией на стройный план идеального преступления. Следует все же заметить, что в романе Набокова убийца становится хладнокровнее, безумнее в своем расчете и потому страшнее. Не случайно внешне Герман напоминает Петра Петровича Лужина – одного из двойников главного героя «Преступления и наказания», роль которого в романе – интеллектуальное снижение идеи Раскольникова.

В качестве предупреждения героям посылаются сны, которые помогают раскрыть особенности личности. Сны Раскольникова указывают на такие его качества, которые должны были бы удерживать от преступления. Германа несколько лет преследует один и тот же странный сон об ужасно пугающей его «пустой, голой, заново выбеленной комнате». И он задается вопросом: «Были ли у меня в то время какие-либо преступные, в кавычках, задатки? Таила ли моя, с виду серая молодость возможность гениального беззакония? Или может быть я все шел по тому обыкновенному коридору, который мне снился, вскрикивая от ужаса, найдя комнату пустой». Хочется добавить - без цели и без смысла. Но в «незабвенный» день в этой комнате появился двойник – появился смысл и цель никчемной серой жизни Германа: «Тогда оправдалось все: и стремление мое к этой двери, и странные игры, и бесцельная до тех пор склонность к ненасытной, кропотливой лжи. Герман нашел себя»[8, с. 360-361].

Еще один сон Германа – кошмар о беленькой «лже-собачке, маленькой, с черными глазками жучьей личинки». (Между прочим, этот сон с тройным пробуждением заставляет вспомнить еще одного героя Достоевского, Свидригайлова, с его тройным кошмаром в ночь перед самоубийством). Это подобие собачки, эта «гнусная мимикрия» должна была заставить героя отказаться от задуманного. Герман понимает свой сон как совет судьбы: «Я чувствовал себя по-детски свежим после недолгого сна, душа моя была как бы промыта, ... щедрый остаток жизни мог быть посвящен кое-чему другому, нежели мерзкой мечте»[8, с. 392]. Он сбегает из номера, где ночует вместе с жертвой – Феликсом, решив навсегда забыть «двойника». Но только на время отступает от своего плана. Воспринимая знаки, высокомерный разум Германа не позволяет герою прислушаться к

ним, полностью полагаясь на свое превосходство. Что и приводит героя к полному краху (как творческому, так и человеческому). Самого Германа можно назвать пародийно-сниженной трансформацией Раскольникова, его «гносной мимикрией».

Трансформации подвергаются и другие персонажи романа Достоевского. Так, по мнению некоторых исследователей (Ильин С.А., Стеценко В.Е.), кроткая и верная Сонечка Мармеладова превращается у Набокова в «глупую, но симпатичную» жену Германа Лиду, которая, по мнению главного героя, «любила без оговорки и без оглядок, с какой-то естественной преданностью» [8, с.348]. Мармеладов трансформируется в «добродушного и бездарного художника Ардалиона, который находится на содержании Лиды, как Мармеладов на попечении Сони. Роль следователя Порфирия Петровича у Набокова отведена случайному соседу по гостинице, в которой скрывается после преступления Герман, безымянному и услужливому доктору. Его назойливое участие и «неумышленные разглагольствования» (как долгие разговоры и душевспасительные беседы Порфирия) приводят Германа к мысли о разоблачении.

И у Германа, и у Раскольникова возникает непреодолимое желание обсудить с окружающими свою идею (первый пытается вывести на разговор о двойниках Ардалиона, второго «почему-то тянуло со всеми заговаривать»). В обоих случаях тщательный расчет и многочисленные «пробы» зачеркивает непредвиденная случайность.

Состояние отчаяния, охватившее обоих героев, сменяется в них усталостью и желанием, чтобы «все скорее закончилось». Но если для Раскольникова еще существует возможность воскрешения – «человека в человеке» смогли увидеть Соня, Разумихин и даже следователь Порфирий, его искренне любят Дуня и Пульхерия Александровна, и в финале его воскрешает любовь, символизирующая возвращение к людям, то для Германа эта возможность исключена, ибо никто не способен увидеть человека в этом существе, которое в финале уже само ощущает себя зверем: «Хорошо по крайней мере, что *затравили* так скоро» [8, с.462]. Потому настроение всего романа определено одним чувством, которое вынесено и автором, и самим героем в заглавие – «Отчаяние».

Список литературы

1. А. (Дмитрий Шаховской). Рец.: Машенька. Берлин: Слово, 1926 // Классик без ретуши: литературный мир о творчестве Владимира Набокова. - М.: Новое литературное обозрение, 2000. - 688 с.
2. Сергей Яблоновский. Соглядатай. Классик без ретуши: литературный мир о творчестве Владимира Набокова. - М.: Новое литературное обозрение, 2000. - 688 с.
3. Шаховская З. А. В поисках Набокова: отражения. - М.: Книга, 1991. – 319 с.
4. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т.- Л.: Наука, 1972-1988. – Т. 28.
5. Набоков В. Малое собр. соч./ Владимир Набоков. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. – 672 с.
6. Набоков В.В. Лекции по русской литературе// В.В.Набоков; пер. с англ. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015.- 384 с.
7. Сартр Ж.- П. Владимир Набоков. «Отчаяние» // В. В. Набоков: Pro et contra: В 2 т. - СПб.: РХГИ, 1999. - Т.1.- 976 с.
8. Набоков В. В. Собр. соч.: В 4 т. - М.: Правда, 1990. - Т. 3.- 480 с.
9. Бердяев Н.А. Мирозерцание Достоевского // Бердяев о русской философии. – ч.1.- Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1991.- 288 с.
10. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. - Донецк: ООО ПКФ «БАО», 2008. - 480 с.
11. Сараскина Л.И. Набоков, который бранится // В.В. Набоков. Pro et contra: В 2т. - СПб.: РХГИ, 2001. - Т.1.- 976 с.
12. Шадурский В.В. Интертекст русской классики в прозе Владимира Набокова/ НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2004.- 95 с.

13. Набоков В.В. Предисловие к английскому переводу романа «Отчаяние» («Despair») // В. В. Набоков: Pro et contra: В 2т. - СПб.: РХГИ, 1999. - Т.1.- 976 с.

14. Стеценко В.Е. Насмешливый мираж: Набоков- Достоевский- Пушкин (на материале романа «Отчаяние») // Язык. Литература. Методика. Сборник статей. Изд-во ВГУ.- Луганск.-1996.- с. 123–133.